

М. А. ШАБАНОВА

**СВОБОДА И НЕЗАВИСИМОСТЬ В
МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ СОЦИОЛОГО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ***

Шабанова Марина Андриановна — кандидат экономических наук, докторант отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. Адрес: 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17 тел.: (383-2) 35-44-27

* Работа выполняется при поддержке Московского отделения Российского научного фонда.

Проверка свободой?

Стержневым при переходе от административно-командной системы к более свободному и процветающему обществу призвано было стать уменьшение зависимости индивида от государства. На смену приказам чиновников плановой экономики должны были прийти рыночные институты, а чрезмерное вмешательство государства во все прочие сферы жизни — смениться политической демократией, пресечением произвола властей разного уровня, гласностью, ростом гражданских свобод. Раскрепощенная энергия и инициатива позволили бы людям — за счет роста собственной трудовой активности — покончить с прежним относительно невысоким уровнем жизни. А более высокий уровень социально-экономической и социально-политической независимости, в свою очередь, стал бы основой для последующего раскрытия и развития способностей и сил индивидов, роста их свободы в разных сферах жизнедеятельности.

Возможно, исходя из этого не только политики, но и ученые часто заявляют, что сейчас мы все в России проходим как бы проверку свободой, испытание на наше умение жить в условиях свободы, нашу пригодность к достойной жизни. Нам будто бы подарили свободу, а свобода говорит: твоя судьба в твоих руках — построй свою жизнь сам. Но свобода, продолжают, не только дар, но и бремя — самостоятельных решений, риска, забот. И те, кому не под силу это "бремя взрослого человека", кто не в состоянии сам построить свою жизнь,

сегодня будто бы пытается избавиться от свободы, склонить свою голову перед очередным спасителем...

Все вроде бы верно в цепочке таких рассуждений. Тем более, что история хранит не одно свидетельство "бегства от свободы". Да и данные, в частности, наших социологических обследований, проведенных в восточных регионах страны, указывают на то, что у большинства респондентов сложился

отрицательный эмоциональный образ предложенной им в ходе реформ свободы. Так, характеризуя свое отношение к ней, только 6% жителей сибирских сел согласились с суждением: "Это то, что нужно. Теперь все зависит от меня." Еще 26% отметили: "Хотелось бы большего, но уж лучше это, чем совсем ничего". Основная же часть (66%) респондентов поддержали суждение: "Зачем мне нужна такая свобода? Возьмите ее обратно".¹

Чем не "бегство от свободы"? Однако можно ли на основании происходящего сегодня делать вывод, что "народ не готов к свободе и демократии", что "идея свободы является чуждой России", что "либеральный проект не удался" и т.п.? Прежде чем утверждать это, необходимо прояснить, проверку чем мы сейчас проходим. Свободой ли? Если свободой, то какой? Всегда ли рост самостоятельности ведет к росту свободы? И как соотносится свобода с независимостью в представлениях и жизненной динамике разных групп?

Феномен свободы традиционно изучался философами и психологами, однако, думается, многое в его закономерностях нельзя уяснить вне социолого-экономического контекста, особенно в нынешнее "переходное" время. Возможно, социолого-экономический подход позволит наметить направления решения таких проблем современной свободы, которые не могут быть разрешены в рамках других наук, и будет стимулировать развитие междисциплинарных исследований в этой области.

Контурсы социолого-экономического подхода

Не останавливаясь на сущности предлагаемого подхода к феномену свободы — это предмет самостоятельного разговора, — выделю основные его "проекции", которые, взятые во взаимосвязи, наиболее точно, на мой взгляд, характеризуют его особенности. Таких проекций три: 1) ценностно-деятельностная; 2) институциональная и 3) социостратификационная. Ограничимся перечислением и краткой иллюстрацией основных следствий их одновременной реализации.

Первое. Говорить о свободе или несвободе индивида (группы) в каком-то конкретном отношении будем тогда и только тогда, когда это конкретное "нечто" (объективное или субъективное) действительно значимо для индивида либо само по себе, либо как средство достижения (сохранения) других жизненно важных целей, ценностей. В самом деле, если тот или иной элемент социальной реальности (отношение, норма, процесс) для индивида не значим, если он привык обходиться без него, бессмысленно говорить и о несвободе индивида в этом конкретном отношении.

Если, например, весьма многочисленная группа опрошенных нами жителей сибирских сел (42%) признает — по причинам, которые мы пока оставим в стороне, — что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых свобод

¹ Социологическое обследование проведено в июне-июле 1995 года в одном из типичных по уровню социально-экономического развития сельских районов юга Западной Сибири. Выборочная совокупность репрезентирует генеральную по полу, возрасту и уровню образования взрослого населения. Выборка стратифицированная (по типам поселений), двухступенчатая.

(социально-экономических, социально-политических или гражданских) для них не значимы, то провозглашение или даже внедрение последних не сделает эту группу более свободной. По крайней мере, до тех пор, пока новые свободы не начнут цениться, не переместятся для данных индивидов из области несущественного в область значимого. Пока же право частной собственности на землю и другие средства производства считают важным соответственно 19% и 8% респондентов, возможность создать свое дело — 19%, право самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы — 12%; возможность приватизировать квартиру, приобрести и иметь в личной собственности жилье — 29%; право на достоверную информацию о состоянии дел в стране ценят 23% опрошенных, свободу выражать свои взгляды по любым вопросам, отстаивать свои убеждения — 25%, право на забастовку, митинги, акции протеста — 11%, право свободного вступления в разные партии, движения — 6% респондентов.

Таким образом, для абсолютного большинства сельского населения провозглашенные в ходе нынешних реформ права и свободы пока не являются значимыми, а потому — даже в том случае, если они реализованы, — не будут ассоциироваться с освобождением. Вместе с тем — и это важно подчеркнуть — уже простая декларация новых прав и свобод существенно меняет "область значимого" у тех (пусть пока и немногочисленных) групп, которые признали новые свободы важными, даже если раньше и не мечтали о них. С этих пор оценивать свою свободу-несвободу они будут уже во многом исходя из возможностей достижения именно "нового значимого". Отсутствие же условий и механизмов его реализации будут воспринимать как ограничитель своей свободы (что сегодня и делает абсолютное большинство представителей этой группы).

Второе. Поскольку цели и ценности разных индивидов (групп) в каждый данный момент различны, а также неодинаковы возможности их реализации, то неизбежно будут различными как конкретные смысловые образы свободы, так и ее динамика, ограничители и благоприятствующие факторы. Наши обследования показали, что у одних свобода ассоциируется лишь с высоким материальным достатком; у других — со стабильной и спокойной жизнью, без всяких неожиданностей в политике "верхов"; у третьих — с правовой защищенностью со стороны государства, с законами, общими для всех. Однако в большинстве случаев (85%) смысловой образ свободы весьма многогранен, при том, что оценивая динамику своей свободы, люди принимают во внимание весьма различное число жизненных аспектов. Так, 27% респондентов называли два-три необходимых условия свободы, 25% — четыре-шесть, 23% — семь-девять, остальные и того больше. Разумеется, последним для положительной оценки динамики своей свободы потребуется гораздо больше, чем первым.

Конкретные смысловые образы свободы отличаются не только характером и числом, но и иерархией составляющих. Поскольку жизненные цели и ценности индивидов (групп) в каждый данный момент определенным образом иерархизированы, а их способности и возможности действовать в наиболее актуальных направлениях неодинаковы, то разные виды,

аспекты и условия свободы значимы для них в различной степени. Характерно, что когда 44% опрошенных не хватает денег даже на покупку продуктов питания (не говоря уже обо всем остальном), 26% — на питание хватает, а на одежду и обувь нет — самым распространенным условием свободы становится либо высокий материальный достаток (50%), либо простое отсутствие материальной стесненности, нужды (28%). Эти элементы экономической свободы в современных условиях стали своеобразным "узким местом" в системе разных видов и составляющих свободы, отодвинув на второй план либо оставив невостребованными многие из социально-политических и гражданских свобод. В то же время и сегодня часть респондентов (20-28%) из группы беднейших и бедных не включает материальное благополучие ни в число важнейших жизненных целей и ценностей, ни в число необходимых условий свободы ("много денег — не значит много свободы"). По другим видам и аспектам свободы различия в оценках еще больше.

В совокупности эти различия формируют разное восприятие изменений во внешней среде — в пространстве выбора жизненных возможностей, а также действительные различия в динамике возможностей как таковых. Тот или иной феномен социальной реальности одни группы будут рассматривать как условие их свободы, другие — как ее ограничитель, третьи будут относиться к нему нейтрально. Так, одни респонденты (57%) полагают, что они смогли бы достичь в жизни большего, если бы не начались перестройка и рыночные реформы, другие (15%), напротив, — если бы рыночные реформы осуществлялись быстрее и последовательнее, третьи же свой жизненный успех вообще никак не связывают с реформами.

Третье. Поскольку свобода (равно как и ее составляющие — самостоятельность в выборе целей и средств их достижения, беспрепятственность их реализации и другие) по природе своей относительно, то индивид или группа оценивают ее уровень, сравнивая либо возможности достижения своих целей и ценностей, которые они имели в момент "t", с возможностями, которые имеют в момент "t+n" ($n > 0$); либо свои возможности в каждый данный момент с возможностями других групп или даже обществ; либо такая оценка дается на основе динамического и социального (социетального) сравнения одновременно.

Например, по мнению 73% опрошенных нами жителей сибирских сел у них было больше возможностей жить наиболее подходящим для себя образом (а следовательно, и свободнее) до перестройки и реформ; 7% считают, что такие возможности появились в сегодняшних условиях; а 16% полагают, что их возможности от положения дел в стране вообще никак не зависят — и тогда и сейчас примерно одинаковы. Складывающаяся в ходе реформ социальная стратификация одним группам населения представляется ограничителем их свободы, причем зачастую более сильным, чем в прежних условиях. Другие же (7%), напротив, считают, что именно в новых условиях можно быстрее занять более высокую социальную позицию благодаря собственным усилиям, энергии, инициативе, способностям. Результаты подобных социальных сравнений, несомненно, оказывают воздействие на

оценку уровня и динамики свободы индивидов и групп в новых условиях по сравнению со старыми.

Четвертое. Сами жизненные цели и ценности, а также возможности их достижения в значительной степени определяются особенностями социализации, характером социальных институтов, местом индивида или группы на шкале социальных неравенств (в прошлом и настоящем). Общественная система не только ограничивает, но одновременно и формирует личность, подавляя одни и развивая другие социальные качества. Поэтому вряд ли стоило ожидать, что зажатая "в жесткие рамки административно-командной системы" инициатива и энергия индивидов выплеснутся наружу и станут движущей силой общественных преобразований, как только те рамки исчезнут. В этом смысле проблема свободы имеет два уровня, которые, правда, отделяются один от другого с большой долей условности.

На первом — сложившаяся в обществе система социальных институтов и социальных неравенств рассматривается с точки зрения ее воздействия на свободу формирования жизненных ценностей и потребностей людей, на становление и развитие их индивидуальностей. На втором — мы имеем дело с уже сформировавшимися индивидуальностями, с уже сложившейся системой потребностей, жизненных ценностей, черт характера, привычек, которые индивиды или группы не могут изменить мгновенно либо не хотят менять совсем. Пусть в прежние времена их индивидуальность подавлялась или ограничивалась — сегодня они такие, какие есть. И оценивать динамику своей свободы они будут исходя именно из этой системы жизненных целей (ценностей), равно как и из изменений в возможностях и способах их реализации в новых условиях — нравится это кому-то или нет, прогрессивно ли это, с чьей-то точки зрения, или нет.

В центре нашего внимания — именно эти индивиды и группы. Поэтому и свобода в рамках предлагаемого подхода понимается прежде всего как их возможность самостоятельно выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности при условии соблюдения минимума норм равноправной ассоциации. Разумеется, это идеальное состояние. В действительности же имеет место переход либо от одной степени социальной несвободы к другой (количественный аспект), либо от одного смыслового образа несвободы к другому (качественный аспект). То есть — либо процесс "освобождения", обретения больших возможностей для самостоятельного выбора, либо процесс "закрепощения", сужения таких возможностей.

В каком смысле в терминах данного подхода можно говорить о свободе как об универсальной ценности? Коль скоро, как мы видели, конкретные смысловые образы свободы у разных индивидов и групп не одинаковы, то она является универсальной ценностью как раз в том смысле, что всегда, везде и для всех индивидов важна сама по себе возможность достигать тех целей и следовать тем ценностям, которые значимы именно для них. В этом смысле свобода одинаково важна и для американца, и для японца, и для русского, хотя ее "конкретное наполнение" будет весьма различным. Если же какое-то конкретное представление о свободе, пусть даже

самое прогрессивное с точки зрения каких-либо групп и обществ, расходится с представлением о свободе других групп и обществ, то в контексте нашего подхода такая свобода не может выступать универсальной ценностью, даже если она признается на официальном уровне и разными способами насаждается.

Таким образом, свобода выступает универсальной ценностью лишь постольку, поскольку допускается ее содержательное многообразие, отсутствие в каждый данный момент ее единого конкретного смыслового образа. И поскольку в переходный период это многообразие особенно велико, то степень реализации как можно большего числа разнообразных образов свободы (при данных технико-производственных, экологических и других свойствах системы) выступает важным индикатором продвижения к более свободному обществу. Насаждение же какого-то одного конкретного образа свободы в действительности способствует "освобождению" одних и "закрепощению" других групп (индивидов). Причем в современных условиях, как мы видели, вторая тенденция пока явно преобладает.

В терминах социолого-экономического подхода (в отличие от социально-психологического), думается, вообще не стоит говорить о "бегстве от свободы". Может быть бегство лишь от такой свободы, которую индивид или группа воспринимают как несвободу, то есть от свободы, являющейся таковой в представлении других индивидов и групп. В этом смысле может быть бегство как от "административно-командной" свободы, так и от свободы "рыночной". Любая из этих социетальных свобод в случае ее насаждения может восприниматься как ограничитель собственной свободы субъекта. Так что обратной стороной бегства от насаждаемой свободы является стремление сохранить свою свободу (в том смысле, в каком индивид ее понимает).

Как же соотносится понимаемая таким образом свобода ("освобождение") с независимостью? Ведь это одно из стержневых направлений осуществляемых общественных преобразований. А сама по себе возможность "не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека" (Локк) — важная либеральная ценность.

Независимость как предпосылка и как ограничитель свободы

Всегда ли независимость является необходимым условием (или частью) свободы, а зависимость, напротив, — препятствием на пути к свободе, ее отрицанием? Если не всегда и эта связь не абсолютна, то в каких случаях происходит обратное, и насколько часто? Иными словами, если два феномена — независимость и зависимость — противоположны друг другу, то предопределяет ли эта противоположность разнонаправленность взаимосвязи каждого из них со свободой? И как реализуются эти взаимосвязи сегодня?

С учетом сказанного выше взаимосвязь между феноменами свободы и независимости в принципе может быть тройкого рода.

Связь 1. Независимость и свобода взаимосвязаны как "часть целого и целое". В предельных случаях независимость

не просто есть часть свободы, но и покрывает, исчерпывает ее, отодвигает на второй план все остальные проявления свободы. Связь "часть целого-целое" имеет место тогда, когда независимость от кого-либо или чего-либо (например, от произвола властей, политического или экономического гнета) сама по себе является жизненной ценностью или целью индивида. У него есть и другие жизненные цели и ценности, но независимость непременно входит в число самых важных из них, он хочет избавиться от гнетущей его зависимости и в предельном случае — стремится сделать это во что бы то ни стало.

Связь 2. Независимость есть предпосылка свободы, необходимое условие ее реализации в данных конкретных обстоятельствах. Как и в первом случае, здесь имеет место положительная связь между независимостью и свободой: расширение независимости ведет к расширению свободы. Отличие в том, что независимость либо не входит в число главных жизненных ценностей индивида, либо вообще не является для него самостоятельной ценностью. Последнее означает, что априори индивид особо не стремится к самостоятельности и независимости в поведении, действиях, взглядах, хотя впоследствии (по мере включения в подобного рода действия и по мере приобщения к подобного рода ценностям) независимость может стать для части индивидов этой группы и самостоятельной жизненной ценностью.

Связь 3. Независимость есть препятствие, ограничитель свободы. Констатация этой связи, на первый взгляд, может показаться парадоксальной. Поэтому поясню, что речь идет о случаях, когда по разного рода причинам индивид способен успешнее продвигаться к действительно важной для него в данный момент цели (а следовательно, и быть более свободным) в условиях большей зависимости от кого-либо; когда зависимость не тяготит, а даже освобождает от беспокойства и тревог. Иными словами, в данных жизненных обстоятельствах независимость индивиду не нужна или нужна меньше, чем возможность реализовать другие цели (порой он достигает их быстрее и успешнее как раз в тех условиях, которые другим кажутся неблагоприятными, препятствующими реализации заложенных в человеке способностей, невыносимыми или даже унижительными).

Таким образом, будем считать, что феномены свободы и независимости могут как предполагать, так и исключать друг друга. В действительности в каждый данный момент могут иметь место все три связи. Со временем при определенных условиях они могут перетекать одна в другую. Так, индивид, стремившийся избавиться от той или иной зависимости (связь 1), и добившийся этого, вдруг осознает, что в новых условиях не может действовать в достижении жизненно важных целей столь же успешно, как прежде. Приобретения оказываются меньше потерь; обретенная независимость перестает казаться благом и превращается в ограничитель свободы (связь 3). И напротив, индивид, которому независимость первоначально казалась лишь предпосылкой свободы (связь 2) или даже ее ограничителем (связь 3), включившись в новые отношения и осознав их преимущества, может начать рассматривать ее как самостоятельную жизненную ценность и необходимую часть своей свободы (связь 1).

К тому же сама по себе независимость многоаспектна, и различные ее виды для разных индивидов и групп обладают неодинаковой значимостью, а следовательно, по-разному влияют на динамику их свободы. Для одних, скажем, более важна независимость от регламентирующих предписаний властей, для других — от материальной нужды и лишений, для третьих — от кого-либо или чего-либо. Причем между разными видами независимости может существовать как прямая, так и обратная связь: одни группы достигают роста материальной независимости при усилении их независимости от регламентирующих предписаний властей, а другие, напротив, — при сохранении этой зависимости или даже ее усилении. Независимость, которая в системе жизненных целей и ценностей индивидов в данный момент занимает более высокое место (либо как самостоятельная ценность, либо как средство достижения более значимых жизненных целей), может достигаться ценой отказа от менее важной независимости, особенно если последняя затрудняет реализацию первой.

Таким образом, в нашем понимании термин "свобода" имеет лишь положительный смысл, а термины "независимость", "зависимость" — и положительный, и отрицательный. Так что у "положительной" для индивида зависимости те же шансы стать элементом (предпосылкой) свободы, как и у "положительной" независимости. Тезисно соотношение между этими феноменами в нашем понимании таково: 1) свобода не ограничивается независимостью, а может включать в себя и зависимость, если субъект придает ей положительное значение, то есть если данному субъекту в данных условиях зависимость позволяет лучше реализовать важные цели и ценности; 2) свобода не вбирает в себя целиком феномен независимости, а включает только ту ее часть, которая имеет для субъекта положительное, а не отрицательное значение, играет конструктивную, а не разрушительную роль.

Аналогичным образом феномен несвободы включает не все зависимости, а только те из них, которые в данных условиях данный субъект воспринимает как нежелательные для реализации своих целей и ценностей. Кроме того, в феномен несвободы входит и рассматриваемая со знаком "минус" независимость.

Какие же соотношения между свободой и независимостью получили сейчас наибольшее распространение? Мы имеем возможность проиллюстрировать взаимосвязи между ними на примере той же сельской территориальной общности, где всегда была сильна зависимость жизнедеятельности рядовых работников от руководителя хозяйства, а последствия политики центральных органов власти сказывались особо неблагоприятно.

Независимость и свобода: современные взаимосвязи

Как показали данные нашего социологического обследования, необходимым элементом свободы (связь 1) или ее условием (связь 2) в большинстве случаев выступает независимость материальная (соответственно 63-71% и 78%). Для 68% сельского населения главное сейчас — выживание, с трудом удовлетворяются даже минимальные потребности. Ухудшение позиций именно на материальной оси сыграло наиболее существенную роль в снижении уровня свободы

индивидов в важных для них сферах жизнедеятельности.

Что касается независимости от властей, от их произвольных разрешений и ограничений, то чаще всего она не выступает ни элементом, ни условием свободы, а в теперешнем виде вообще часто воспринимается как ее ограничитель (связь 3). Взаимосвязь этого вида независимости со свободой менее прозрачна и более противоречива, чем независимости материальной.

В самом деле, большинство сельских жителей осознает, что их зависимость от произвольных разрешений и ограничений властей велика, и мало кого устраивает характер этой зависимости: 71-72% респондентов считают, что ни руководство России, ни местные власти интересы людей их круга и положения в своей политике не учитывают ("что хотят, то и делают"), а сами они (77-78%) не имеют никакого влияния на действия властей. Однако стремление избавиться от этой зависимости слабое — в числе жизненных обстоятельств, без которых индивиды не могли бы жить благополучно и счастливо, независимость от произвола властей и т.п. занимает предпоследнее место. О ней "вспомнили" лишь 18% респондентов. И это при том, что не задавалось никаких ограничений на число возможных ответов. Когда же из предложенного списка нужно было выбрать не более восьми самых главных на сегодня жизненных целей и ценностей, эта доля снизилась до 4%.

Это означает, что в настоящее время уменьшение независимости от произвольных регламентации властей само по себе способно повысить уровень свободы у относительно незначительной части респондентов. В принципе. А в действительности повышает совсем у немногих: независимость, рассматриваемая как самостоятельная жизненная ценность, в условиях реформ стала реализовываться в большей мере лишь у 2% респондентов, а в меньшей — у 7%. Так что совокупный ее "вклад" в динамику современной свободы невелик, во-первых, а во-вторых, больше отрицательный, чем положительный.

Уменьшение зависимости от регламентирующих предписаний властей как условие возрастания своей свободы в данных жизненных обстоятельствах обнаружили 5% респондентов. В частности, по их мнению, в ходе реформ государство дало возможность самостоятельно выбирать, как жить и что делать, и самим отвечать за свой выбор; и этого вполне достаточно.

Гораздо большая часть индивидов (26%) занимает "промежуточную" позицию: признавая положительную роль уменьшения зависимости от властей в одних важных для них отношениях (связь 2), они пока не поддерживают ее в других (связь 3). В частности, полагают: конечно, хорошо, что государство не регулирует, как прежде, их жизнь, но и бросать их на произвол судьбы не следовало бы; при такой ситуации в стране без поддержки государства невозможно обеспечить себе достойную жизнь. Иными словами, у них возросла как "положительная", так и "отрицательная" независимость. Соотношение между этими аспектами независимости неустойчивое и по мере изменения социально-экономического положения этой группы может измениться как в ту, так и в другую сторону.

Абсолютное же большинство сельских жителей (66%) считает, что им вовсе не мешало прежнее регулирование их жизни государством, так как "обеспечивало стабильность и порядок в стране" Сейчас же "государство бросило нас на произвол судьбы". Независимость в нынешнем ее виде рассматривается как безусловный ограничитель свободы. Примечательно, что хотя доля представителей этой категории респондентов существенно колеблется в разных возрастных группах (от 52% у молодежи до 80% у пенсионеров), она все еще преобладает. Что за этим скрывается? Неумение обходиться без внешней опоры, "бегство от независимости", боязнь самостоятельности и ответственности, зачастую приписываемая людям, долгое время находившимся под прессом чужой воли? Отчасти, да. Косвенно об этом можно судить по той характеристике особенностей своего характера, которую респонденты давали сами себе. По признанию 24% опрошенных, они охотно предоставляют другим право принимать решения, не любят ответственности; 37% отметили, что лично им больше по душе такая работа, когда руководитель дает четкое задание (на то он и руководитель), а об остальном "у меня голова не должна болеть".

Однако дело не только я не столько в этом: ведь более половины опрошенных (57%) уже сейчас предпочитают не зависеть от кого-либо и отдают явное предпочтение работе, предполагающей большую самостоятельность, инициативу, личную ответственность. В действительности взаимосвязь между независимостью, самостоятельностью и свободой гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И характер этой взаимосвязи в значительной степени определяется реальными изменениями в пространстве актуальных жизненных возможностей разных групп (в нашем случае — сельского населения) в новых условиях по сравнению со старыми, динамикой разного рода стратификационных неравенств (включая территориальные).

Рост независимости от прямых регламентаций центральных властей в одних отношениях сменился усилением зависимости от них в других отношениях (как через административные, так и через экономические каналы), ослаблением правовой защищенности, а также усилением зависимости от местных властей. Новые ограничения для большинства сельских жителей являются еще более трудно преодолимыми, чем старые, а потому они значительно сузили актуальное пространство их возможностей.

В самом деле, небольшой выбор мест работы на селе за годы реформ сменился отсутствием этого выбора вообще, появлением и постоянным ростом безработицы. Заработная плата в сельском хозяйстве устойчиво занимает одно из последних мест, однако ее уже давно не выплачивают вовремя: в 1995 году задержки составляли по разным хозяйствам обследованного района от 1 года до 2-3 лет. Это, в свою очередь, привело к тому, что большинство сельского населения, не имея наличных денег, вынуждено отказаться от каких бы то ни было поездок за пределы своего поселения (в том числе и к родным). Люди чувствуют себя "запертыми" и относят разрыв родственных связей к одной из самых существенных потерь в ходе реформ. Слабое развитие производственной инфраструктуры и сервиса, большая удаленность многих сел от

городов и железных дорог зачастую ставят желающих создать и вести свое дело в зависимость от руководителей хозяйства (района, области), от их отношения к реформам вообще и к данному человеку, в частности. В этих условиях и на фоне отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов "рядовых" социальных групп многие из них констатируют усиление произвола на местах, что часто напрямую связывается с ослаблением регламентирующих воздействий центральных властей.

В результате за годы реформ лишь незначительная часть сельских жителей (17%) стала чувствовать себя менее зависимой от разного рода властей, причем, как правило, вкладывает в уменьшение этой зависимости отрицательный смысл. Гораздо больше тех, кто ощущает себя даже более зависимым от центральных и местных властей (32-34%). В этих условиях прошлая зависимость, какой бы она ни была, для многих привлекательнее, чем настоящая. Предпочтительность прежних моделей взаимоотношений с властями не поддается объяснению в терминах "бегства от независимости". По существу, за ней стоит стремление либо к меньшей зависимости, либо к более приемлемому ее виду, либо к тому и другому одновременно. До тех пор, пока независимость действительно не возрастет (причем так, что расширит свободу выбора в актуальных для индивидов отношениях), не может быть и речи о "проверке независимостью".

Независимость, самостоятельность и свобода вообще порой находятся в разных плоскостях и пересекаются лишь частично. Увеличение независимости не ведет автоматически к увеличению самостоятельности. Но даже если самостоятельность и возросла, то это не всегда приводит к росту уровня свободы, особенно если самостоятельность не входит в число важнейших ценностей индивидов и групп. В последнем случае уровень свободы увеличится только тогда, когда возросшая самостоятельность будет способствовать лучшей реализации других важных целей и ценностей индивида (группы). Если же, напротив, обстоятельства складываются так, что люди могут проявить свою возросшую самостоятельность в более ограниченном, чем прежде, пространстве возможностей — а именно эта ситуация более характерна для обследованных типов поселений, — то уровень свободы уменьшается, несмотря на рост самостоятельности.

Так, только 26% респондентов полагают, что их жизненный успех в большей мере, чем до реформ, зависит от их личных усилий и качеств (29%, напротив, считают, что в меньшей, еще 17% — что примерно так же, остальные затруднились с ответом). Однако в группе ставших более самостоятельными половина указала на то, что до реформ лучше могли реализовать свои силы и способности, 3/4 — что для достижения тех же жизненных целей затрачивают больше усилий, однако число трудностей и препятствий, которые им преодолеть не под силу, при этом только возросло; у 2/3 — шансы на жизненный успех снизились. Не случайно поэтому абсолютное большинство представителей этой группы (73%) считает, что их возможности жить наиболее подходящим для себя образом за годы реформ уменьшились, и они стали менее свободными, чем прежде.

Если в современных условиях людям приходится во все

большой мере рассчитывать на себя, это еще не означает, что они стали свободнее. За ростом самостоятельности нередко скрывается феномен, имеющий иную природу. Это не та самостоятельность, которая способствует раскрытию индивидуальности, хотя по формальным признакам и совпадает с ней (действие по собственной инициативе и на основе собственных сил). Эта "самостоятельность" связана с изоляцией индивидов, с ощущением брошенности: "сегодня каждый сам за себя, как хотите, так и выживайте".

Если мы хотим, чтобы независимость из ограничителя свободы (связь 3) стала ее частью (связь 1), то первым "либеральным" шагом в такой трансформации должно было бы стать превращение независимости в условие свободы (связь 2). Внешние условия должны позволять индивидам получать преимущества от независимых и самостоятельных действий по достижению жизненных целей. Поскольку в современных условиях независимость такую роль чаще всего не выполняет, то идет обратный переход (от связей 1 и 2 к связи 3). Одна из причин — в неподготовленности "почвы" для новых отношений (ни с точки зрения экономико-производственной и инфраструктурной, ни с точки зрения институционально-правовой и ценностно-культурной). Но пока те цели и потребности, которые есть у людей сегодня, не будут реализовываться хотя бы на дореформенном уровне или пока они не компенсируются какими-либо другими значимыми для них преимуществами, большие группы индивидов (даже если в повседневной жизни они уже и не опираются на помощь властей), не будут ценить эту независимость и будут уповать на приход правителей, которые улучшат их жизнь.